

1.3. МАНИФЕСТАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО «ЗА ПРЕДЕЛАМИ КРИЗИСА»: ПО СЛЕДАМ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙ(СЯ) ГУМАНИСТИКИ

Барандова Татьяна Леонидовна, старший преподаватель департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге и факультета сравнительных политических исследований СЗИУ при РАНХиГС в Санкт-Петербурге. Магистр политологии ЕУСПб, магистр педагогики. Соискатель НИУ ВШЭ

Место работы: НИУ ВШЭ Санкт-Петербург, СЗИУ при РАНХиГС Санкт-Петербург

Место учебы: НИУ ВШЭ Санкт-Петербург

Аннотация: В статье рассмотрены результаты инаугурационной конференции «За пределами кризиса: предвидение для новых гуманитарных наук», организованной Центром гуманитарных инноваций университета Дарема (Великобритания) в 2014 году. В ней последовательно: а) раскрыта актуальность жанра манифеста для развития гуманитарных наук в контексте био- техно- и постсекулярного общества; б) дан краткий реферативный обзор творческих рефлексий интеллектуалов по актуальным аспектам состояния гуманитарно-социальных наук; в) представлен авторский постфактум-манифест с фокусом размышлений о развитии политических наук

Ключевые слова: политический манифест, цифровые гуманитарные науки, визуальные коммуникации, технополитика и биополитика, транснациональность и транскультура, перформативность, персонология

MANIFESTATIONS OF SOCIO-POLITICAL “BEYOND CRISIS”: FOLLOWING TRANSFORM(ING)ATIVE HUMANITIES

Barandova Tatiana L., Senior Lecturer, Department for Applied Political Studies at the National Research University Higher School of Economics Saint-Petersburg Campus and Faculty on Comparative Political Research at North-West Academy of Public Administration in St.Petersburg. MA in political science, MA in education, PhD candidate.

Place of employment: HSE Saint-Petersburg, North-West Academy of Public Administration in St.Petersburg

Study place: HSE Saint-Petersburg

Abstract: Article reviews results of the inaugural conference «Beyond Crisis: Visions for the New Humanities», organized by Centre for Humanities Innovation (CHI), Durham University, UK at 2014. Design of the article is the following: a) considered the question how genre of Manifesto suit for development of new humanities in the context of bio-, techno- and post-secular society; b) provided short summaries of intellectuals' creative reflections on actual aspects of social and humanitarian disciplines; c) presented author' post-scriptum manifesto, focused on conditions and perspectives for political science development.

Keywords: political manifesto, digital humanities, visual communications, technopolitics and biopolitics, transnationalism and transculture, performativity, personology.

Летом 2014 года прошла инаугурационная конференция «За пределами кризиса: предвидение для новых гуманитарных наук» (Beyond Crisis: Visions for the New Humanities), организованная Центром гуманитарных инноваций университета Дарема (Великобритания). Цель статьи, последовательно:

а) раскрыть актуальность жанра манифеста для развития гуманитарных наук в контексте био- техно- и постсекулярного общества;

б) дать краткий реферативный обзор творческих рефлексий интеллектуалов по актуальным аспектам постановки исследовательских задач современных гуманитарно-социальных наук с позиций трансдисциплинарности;

в) представить постфактум манифест, в котором фокус размышлений определен с позиций потенциала развития политических наук. Показательно, что Центр, созданный для стимулирования интеллектуального творчества в учебной и исследовательской сферах, а также поощрения создания концептуальных идей, мыслительных схем, терминологии и иных творческих продуктов, связанных с привлечением элементов научного воображения, в качестве заявки на участие определил не (привычные) дескриптивные тезисы, а выступления в форме особого жанра – манифеста.

Не(о)институциональная специфика жанра или Почему манифест?

Задуматься следует уже над тем, почему именно

манифест? Подчеркнем, что жанр по истокам принадлежит к сфере политического, выступая в качестве перформативного текста (в виде акта главы государства в адрес населения по поводу значимого политического момента или события), его разновидности призваны «манифестировать» (т.е. заявлять), например, восхождение на престол, объявление войны, утверждение идеологических программных перспектив или властно-электоральных намерений (подробнее в: Симян 2013: 130-148). Определяя поле его действия как политическое, видно, что он использовался в виде «инициации потенциалов», особенно в период социальных становлений и «переломных эпох», разными общественными силами, но, пожалуй, активней всех прибегали к нему деятели художественные кругов, заявляя принципы и подводя платформы под новозобретенные идеи. Это демонстрирует «генетическую связь» политического активизма и (полемиического) акционизма в сфере искусства. Сегменты социально-политического действия и гуманитарного размышления достаточно плотно взаимодействовали уже полтора столетия назад (связь наблюдалась и ранее, например, через политическую карикатуру, поэтические памфлеты или политическую сатиру). Лиминальность (пограничность) модусов социального и политического времени, можно утверждать, благоприятствует развитию жанра, а кризис – именно то понятие, которое отражает (и констатирует) лиминальный подтекст.

Манифест – это кросс-трансформативный жанр онтологического перекрестка; сущностно-инициационный жанр переходного момента «от пост- к прото-» (Эпштейн 2001; Эпштейн 2004); зачаточно-эмбриональный, если прибегнуть к биологическим метафорам.

Полагаем, что целью современного (художественного) манифеста, означающего «призыв к новациям», является выдвигание (изящных) перспектив для интеллектуального освоения, обозначенных текстовым или телесным перформативом – условной шляпкой гвоздя, вбиваемого в крышку гроба освоенных идей и приемов само/ре/презентации предшественников (одновременно, правда, становясь его частью). Размытость и неочевидность будущего на фоне отклоняемого прошлого – питательная почва, дающая импульс и для научного воображения. Неопределенность политических правил игры, сопряженная с накопившимся неприятием сложившегося режима – то, что подталкивает к поиску вариантов его «переделки» или необходимости обозначения иных, новых принципов организации/осуществления/перераспределения/завоевания власти.

В данном ключе любопытна дискуссия вокруг темы «*Think tanks: битва манифестов*» на сайте «Русского журнала» в апреле 2011 года (Вкус к жанру...2011), где обозначены как актуальность, так и особенности в понимании современного манифеста и его использования в публичной политической среде. А.Корбут утверждает, что «функция сегодняшних манифестов никак не связана ни с проявлением, ни с заявлением – она связана с налаживанием коммуникаций в некоторых сообществах (в то числе научных) <...> То, что он по форме ориентирован вовне, на публику, это, скорее, жанровый след <...> в сегодняшних манифестах рефлексивный аспект уступает по своей значимости аспекту коммуникативному» (там же). По его мнению, посредством манифеста люди начинают общаться между собой, но приоритетом становится не изменение мира, а изменение самого коллективного автора в битве за субъектность и идентичность, хотя манифест остается и способом разбалансировки системы для перевода её в новую стадию.

В.Вахштайн не соглашается с пониманием манифеста как «самореферентной терапевтической практики», он склонен видеть в жанре логику (утопического) парадокса, который разрывает «логику существующей очевидности, чтобы манифестировать какой-то иной способ видения» (там же). Манифест производит ценностные утверждения, как отмечает В.Вахштайн, а «явленность чего-то, что происходит сейчас, но происходит не так, как должно происходить, объединяет художественный манифест, политический манифест и манифест научный» (Вахштайн 2011).

М.Соколов считает, что манифест предполагает «активистскую героическую позицию», подрывающую возможность консолидированного видения. Отмечая возможные параллели между политическим и научным манифестом, он определяет политическую интригу в том, «будет ли он авторизован» (там же). Известность логики политического цикла объясняет периодичность всплесков политических манифестов, но возникает вопрос в том, наличествуют ли взаимосвязи, поскольку присутствует периодичность обострения интереса к жанру в научной и художественной среде. Кстати, все трое составили и собственноручный «Манифест движения

диких молодых доцентов» (Вахштайн, Корбут, Соколов 2011). На наш взгляд, интерес представляет и определение набора акторов, способных реализовать политическую перформативность манифестов, т.е. тех групп или индивидов, кто должен авторизовать на (политической или общественной) практике предложения экспертных групп, признающих наличие «разрыва» в виде (аналитического или академического) текста.

Практически, тексты данного жанра можно функционально соотнести с проектно-программными апелляциями в сфере управления коллективным видением для моделирования «желаемого будущего», отталкиваясь от исходного места в рамках существующего позиционирования. Он выступает как «один из знаков зачинающейся проективности», и в современном виде зарождается «как явление теоретического (философского) порядка и своим появлением трансформирует аналитическое в проективное» (Кулекова, Плевако).

Таким образом, посредством манифеста можно (кодируя смыслы) вставать в (мыслительную) позу, а можно занимать (баррикадную) позицию... Позиция, как правило, представляет «старт-ап» для осуществления изменений, обозначение вектора протеста, призыв к трансформативному действию, формирование особого поведения на основе произведённой «критики-оскорбления» по определению Маринетти (Симян 2013: 138).

Символический код жанра манифеста можно обозначить в качестве «прорыва» в неочевидное (до некоторых пор) или не оформленное дискурсивное поле (в качестве креатора и генератора его потенциалов). В нем присутствует технология формирования образно-символических метафор, чувственно-рациональных пересечений между оппозициями (инновация и упорядоченность), напряжение превращения «антинормы в норму» (Эко 1996: 63). Жанр манифеста не является исключительно пропагандистским, научным или художественным, а скорее это дисциплинарный гибрид, что и позволяет ему расширять перспективу с помощью разнонаправленного синтезирования любых компонентов. Потому, вероятно, по мнению организаторов мероприятия, модальность именно манифеста отражает настоятельную необходимость методологических прорывов в области гуманитарных наук. «Прорывы», на наш взгляд, настоятельно рекомендуются и наукам политическим, поскольку политическая реальность всё в меньшей степени может быть уловлена, отражена, осмыслена и объяснена господствующей позитивистской парадигмой, рациональным выбором членов «иррационализирующегося» общества (Тульчинский 2014). Манифесты являются продуктами теоретической фантазии, а не эмпирического и научного изучения, но служат проблемно-ориентированными текстами-«постановщиками» повестки, определителями контуров идеала.

Михаил Эпштейн (университета Дарема), во вступительном слове обозначил, что «жанр манифеста демонстрирует возможность гуманистического мышления в сослагательном, а не в изъявительном наклонении: что может быть и что должно быть, а не то, что есть». Количество полученных манифестов, на его взгляд, свидетельствует, что этот жанр перекликается с интеллектуальным импульсом времени, хотя и не признан научными журналами (что является примером несоответствия между творческим потенциалом мышления и стандартами профессии и нуждается в пере-

смотре).

«За пределами кризиса» или О чем свидетельствуют манифесты?

Тематики, обозначенные для рассмотрения в рамках конференции, включили следующие области: парадигмальные и методологические инновации в гуманитарных науках; новые жанры и дисциплины; гуманитарные науки как основа для культурной практики; взаимо-преобразования гуманитарных наук и цифровых режимов; гуманитарность стоящих экологических проблем; творчество и воображение в гуманитаристике; эффективное взаимодействие между гуманитарными и естественными науками. Получили около пятидесяти манифестов, половина из них вошла в программу. Детально соотнести с каждым не позволяя размеры статьи, но скомпоновав их в проблемно-тематические кластеры, попытаемся отразить векторы и масштабы заявленных направлений потенциальных прорывов.

Обозначенный «кризис» в гуманитаристике характеризуется:

с-первых, распадом классического формата в связи с распространением визуальной и цифровой культуры, что несет потребность в обновлении интеллектуально-интерпретативной и методологической базы социальных наук;

во-вторых, фундаментальным сдвигом идеологических оснований среди (политических) управленцев с рассмотрения научно-образовательных институций как «общественного блага» в сторону восприятия и оценивания их деятельности по критериям, относящимся к деятельности экономических агентов (что приводит к недооценке вклада гуманитарных работников в рынок труда, к сокращению студентов-гуманитариев, финансирования факультетов и т.п.).

Преобразование гуманитарных наук и образования при осуществлении перехода от социально-ориентированных государств всеобщего благосостояния к рыночно-ориентированным конкурентным неолиберальным, становятся неизбежными. Но, на взгляд М.Эпштейна, возникает вопрос: что, зачем и каким образом преобразовывать? Есть ли выбор вариантов реагирования: адаптации к коммодификации культуры и образования, ориентированной на извлечение прибыли, или поиск вариантов включения в качестве участников в исследуемые процессы с целью сопротивления им? Об этих вопросах шла речь в пленарных выступлениях профессоров Томаса Дочерти (Университет Уорвика) по взаимодействию гуманитарных наук в постсекулярной реальности демократий; Фрэнка Днохью (Университет Огайо) об образовании он-лайн и гуманитаристики университетов будущего; Роберта Иглстона (Ройял Холловэй) о гуманитаристике в свете мифологии и «памяти» университета; Сандера Гилмэна (Университет Эмори) обыгравшего недалекость видения роли гуманитарных наук в воспитании граждан.

Дискуссии в форме креативного «вброса» идей были направлены на поиск ответов на ряд вопросов: каким образом можно использовать творческие и интеллектуальные ресурсы гуманитарных наук для создания альтернативных проектов будущего, и как выглядит будущее самих гуманитарных наук в сфере обновлений понимания анти- и пост-человеческого технологического развития? В ходе «коллективных импровизаций» от индивидуальных манифестов мышление участников переключалось на выработку коллективно-

го манифеста новых гуманитарных наук.

Секционные доклады-манифесты в программе распределили направлениям: кризис, инновации, темпоральности, поэзис, креативности, дигитальности (digitalities), переориентации (reorientations), трансформации, критики, передоговоренности (renegotiations). На наш взгляд, по контенту они укладываются в осмысленные значимости гуманитарного знания в приложении к происходящим изменениям в средах: само/рефлексия научно-образовательного сообщества; литературное, поэтическое и творческое как агент влияния и перемен; необходимость новой антропологии и значимость этики; последствия био/технологического влияния на человечество; «гуманитаризированное» взаимодействие в социально-политическом поле. В такой последовательности приводим их суммированный реферативный обзор (группируются в переводе с отнесением к конкретным авторам приводимых ими идей без оформления цитат, поскольку все полные тексты можно найти по единой ссылке (Манифесты: 2014).

Само/рефлексия научно-образовательного сообщества коснулась а) влияния на него разнообразных факторов внешней среды (институционализации науки, капиталистического устройства общества, политико-управленческих тенденций, иных «триггеров» кризиса); б) накопленных внутренних проблем сообщества (назревшая необходимость в ревизионистской самокритике ученых, ревизии философских, теоретико-парадигмальных и эпистемологических оснований их труда); в) переоценки методологических и технологических исследовательских практик (выявление слабых и сильных позиций мэйнстримовых методов, поиска «общего знаменателя» или спецификации/гибридизации методов), г) пере/изобретения образовательных технологий, пересмотр инструментов воспитательного воздействия на целевые группы.

М.Эпштейн отметил, что гуманитарные науки с целью изучения и преобразования людей во всех проявлениях культуры, могут быть определены как форма самосознания и самоизменения не индивида, а человека как вида. Они стремятся создать собственные способы изменить то, что они изучают, и даже исследуя прошлое, направлены на формирование будущего человечества. Отчуждение интеллигенции от всё более интеллектуализирующегося мира, становится всё менее оправданным, позиция добровольного отчуждения выглядит парадоксальной и обречена на провал. В период индустриальной эпохи интеллигенция могла оправдать отчуждение духом нонконформизма и устойчивостью к власти капитала, но теперь идеи составляют богатство современного общества, а мир открыт концептуальным инновациям больше, чем когда-либо прежде. Постиндустриальный мир движется от производственной экономики к экономике, основанной на росте информации и стоимости инноваций. Будущее цивилизации зависит от многих научных дисциплин – математики, кибернетики, информатики, когнитивной науки, семиотики, нейропсихологии, теории и практики искусственного интеллекта – однако все они зависят от гуманитарной рефлексии. Технология существует лишь постольку, поскольку может узнать, что значит «быть собой», «знать себя» или «говорить о себе». Гуманитаристика всегда впереди прорывов в кибер-, нейро- или био-технологии, и ближе к будущему. В текущей конфигурации технические науки ответственны за формирование будущего, а гуманитарные имеют обязательства по сохранению и выяснению

прошлого. Но, мир культуры и истории гораздо динамичнее, чем мир природы... Почему же науки о природе должны быть более ориентированы на будущее, чем изучение культуры? Почему гуманитарный вклад и конструктивный потенциал взаимодействия с технологиями не рассматривается тем же образом, как огромный вклад в сохранение прошлого технологиями (путем сбора информации о ранних этапах цивилизации и создания цифровых архивов)? Впервые в истории люди получили возможность создать что-то (возможно, кого-то), похожими на самих людей. Не только инструменты или символы, но искусственный интеллект, искусственных организмов, новые формы жизни... Современность выступает как первая эпоха *anthropoeia* – создание человека человеком совместными усилиями культуры и технологии. Эволюция, миллионы лет шедшая в природе, проходит через использование инфо- и биотехнологий в руках человека (см. также в: Epstein 2012). Отойдут ли гуманитарии от миссии служения человеческой самореализации? Пропустят ли удивительные возможности исследовать сам феномен «человеческого» в момент величайших и кардинальных преобразований?

Сущность и самоопределение (само/позиционирование) гуманитарных наук, напомнил Игорь Клюканов (Восточный Вашингтонский университет), концептуализируются на базе Дильтеевского подхода, но задача в том, чтобы они позиционировались как наука, не становясь позитивистскими. Смежная задача – преодолеть кризис доверия, вызванный попытками естественных наук колонизировать пространства гуманитарных (нейробиологии, когнитивистики, биомедицины и других). «Цифровые гуманитарные науки» не нужно объявлять «врагами», а использовать родовые связи между цифровой и традиционной гуманитаристикой. Другие проблемы методологического характера в связи с принятой за «научную» системой познания, основанной на наблюдении и создавшей раскол между эмпирически-индуктивными естественными и умозрительно-дедуктивными гуманитарными науками. Метод гуманитарных рассматривается как «простое описание», приближенное к поэзии, ограниченный дискурсивной презентацией явлений, не интерпретированных системно. Задача гуманитариев заявить, удовлетворяет ли их метод (как изначально задуманный), или что ещё он содержит, кроме «поэзии».

Шон Уильямс (университет Оксфорда) в «манифестарном антиманифесте» саморевизионистски заявил, что тенденция организовывать конференции и коллоквиумы по вопросам кризиса, проводя их в ведущих университетах, с наличием результатов в публикациях, позволяющих участникам профессионально развиваться, сводит на нет саму идею сопротивления (пере)обновленному радикализму, которому они стремятся противостоять. Открытие институциональных инновационных кластеров означает удар по тем, кто утверждает, что оригинальное мышление больше не возможно в рамках академии, которая и существует-то в качестве особого вида учреждения, основанного на инакомыслии. Сокращение финансирования и числа студентов, принимаемое за «кризис», является показателем того, что сообщество не может мыслить вне бюрократических рамок и капиталистического мировоззрения. Гуманитарные науки должны снова стать местом строительства системного мышления и красо-

ты поэзиса, если хотят избежать идеала для «бухгалтерского учета». Не цель гуманитарных наук изменилась, а их институциональная среда, требования к результатам и практикам, то эти факторы и должны стать первичной (причиной) сомнений. Проблема не с гуманитарными предметами, но с их регулируемыми условиями на институциональном, национальном и международном уровнях. Если принимается за факт, что ядра гуманитарных предметов не обнищали интеллектуально, то задача остается практической: в политической активности против конкретных условий труда, критериев оценки и т.д. Если же считать, что сами науки требуют концептуальной встряски, это должно учитывать потенциал личных затрат, поскольку ученые хотят делать карьеру, сопоставимую с карьерами их неакадемических сверстников, желая финансового благополучия. Так было всегда, но барьеры, через которые перепрыгивают в профессионализации, никогда не были столь многочисленны.

По мнению Григория Асмолова (Лондонская школа экономики и НИУ ВШЭ), в ситуации, когда благодаря цифровой конвергенции символическое производство не может быть отделено от материального творения, главные вопросы на повестке дня имеют практическое значение. Нужно исследовать «воображаемого человека» – способы, с помощью которых люди представляют себя, и как это воображение интегрировано в инновационных формах репрезентаций (Asmolov A., Asmolov G. 2009). Вклад «цифровой гуманитаристики» можно оформить с опорой на концепцию Л.Вygотского «зона проксимального развития», обозначающий возможность трансформации в системе деятельности. Один из примеров «поверх-человеческого» представления в цифровую эпоху введен Й.Бенклером (Benkler 2011), предлагая способы взаимопомощи на основе информационных технологий. Новые инструменты критического мышления, позволяющие обмениваться видением ситуации с других позиций, помогут в смягчении конфликтов, в разработке нового языка и моделей социального взаимодействия.

Кризис, считает Г.Асмолов, выступает как стресс-тест для структур и властей, системных сил и отдельных акторов, для поиска новых решений. Типы кризисов, которые потенциально должны изучаться гуманитариями, включают стихийные бедствия, политическую конкуренцию и акции протеста, личные проблемы повседневности. Артефакты посредничества и взаимопомощи, формирование новых типов горизонтальных учреждений может заполнить пробел, созданный отсутствием традиционных институтов или неэффективной политической правительств. Примером «цифровых артефактов» являются краудсорсинговые системы, поддерживающие взаимопомощь и упрощающие взаимодействие, снижая риски помощи незнакомцам. «Цифровые гуманитарные науки» следует рассматривать как дисциплину, которая разовьётся в банк потенциальных репрезентаций, ресурс воображения и технологий, альтернативные модели в ситуации вызова, предлагая возможности для развития. Наличие этих ресурсов поможет избежать сценариев, где вызовы кризиса приведут к хаосу и аномии, или гегемонистские державы используют возможность ограничения свободы и создания новых структур господства под маской обещания порядка и стабильности. Вовлечение в разработку новых представлений в повседневной жизни и кризисах, моделей сотрудниче-

ства и цифровых артефактов, которые могут предложить альтернативную модель человечества, должны быть в центре повестки дня гуманитарных дисциплин.

Гуманитариев критикуют за непонимание современного мира, так что им надо добавить «научности», считает Роберт Криз (университет Стони Брук). Многие ученые-гуманитарии избегают взаимодействия со сциентистской практикой, предполагая, что по-прежнему живут «в дикой природе». Для них сциентизм – образцовый дегуманизирующий фактор, им безопаснее придерживаться эстетики, литературоведения и анализа текста... В их американских и британских исторических трудах показывается, что история человечества – грандиозное театрализованное представление идеологий, но они игнорируют вклад науки в электрификационную, коммуникационную и электронную революции, в борьбу с детской смертностью и за увеличение продолжительности жизни, а если роль науки и появляется, то в виде усовершенствования оружия, используемого в борьбе между идейными партизанами. Впрочем, игнорирование происходит со стороны обоих культур (сциентисты рассматривают лишь науку в качестве образцового гуманизирующего фактора). Но для гуманитариев это больший изъян, симптом «слепого пятна» в работе тех, чьей обязанностью является осознать и описать для других характер окружающего мира. Р.Криз обозначает дисциплинарную недостаточность как *anosognosia* (*болезнь отсутствия осознания своего без-знания*), приводя четыре причины её возникновения: драма (технологические изменения не создают показательных исторических моментов, кровавых сражений, столкновения титанических личностей или спектаклей «великих политических дебатов», т.е. не способствуют драматизации разногласий); надежда (среди левых и правых прогрессивных ученых считается, что можно переделать себя и мир в марксистском стиле освобождения в ходе революционных событий, а признание зависимости от техники ослабляет такие надежды, которые сами являются «магическим мышлением» – иллюзией больших денег и политического влияния, позволяющим считать себя вправе выбирать формы энергии, питания и условий окружающей среды, без необходимости идти на дорогостоящие компромиссы; страх специальных знаний (требующих от гуманитариев дополнительной подготовки); самомнение (о возложенных функциях задавать важные вопросы, помогающие человечеству ориентироваться в мире опасностей). Предложения по преодолению: увеличить число негуманитарных курсов для гуманитариев; создать курсы междисциплинарных исследований; ввести конференции по влиянию научной терминологии и образов (хаоса и энтропии, неопределенности и относительности) в курсы по искусству, философии, литературы и политической теории; расширить курсы по философии техники; создать курсы по воздействию на эволюцию мышления о том, что значит быть человеком, как человеческая мысль и институты развивались получая одно, а другое теряя, чтобы стимулировать понимание, как реализация прогрессивных человеческих амбиций, как правило, приводит и к скрытым потерям.

Кристоф Фрикер (Университет Бристолья) обозначил экономические аспекты (выхода из) кризиса, подчеркнув, что в интеллектуальной полемике постулирование различий служит мобилизации коллег-союзников путем изоляции предполагаемых противников. Процесс имеет идеологический характер, затрагивающий поли-

тические вопросы, и в интересах гуманитариев перевести полемику конфронтации между наукой и экономикой в конструктивное сотрудничество. Члены общества знаний являются предприимчивыми налогоплательщиками, поскольку граждане 21 века дорожат не только своей нацией, но их знаниями и проектами; они не только хотят высказываться на выборах, но и по вопросам знаний и экономики; они хотят, чтобы университеты, компании и правительства взаимно усилились когда экономика «знание-ориентированная», а роль эпистемологических и этических указаний искусств и гуманитаристики возрастает. Проблемы современности, подлежащие гуманитарной экспертизе, это: изменение концепции и механизмов социального государства, новые формы участия, устойчивое разрешение конфликта в повседневной и международной жизни, отношение к болезни и старости, значение заботливой школы и дома, нравственное измерение миграции, контексты межкультурной дискуссии об основополагающих социальных принципах, значимость политик памяти, реальный опыт Европейского проекта...

Часть проекта гуманитарных изменений, по мнению К.Фрикера, в том, чтобы мир бизнеса признал пределы собственной логики и понял, что действует под влиянием культур, что может выйти из строя из-за немислимого обилия дезинформации, ложных заявлений и недоразумений. Искусства и гуманитарные науки могут извлечь выгоду путем проведения их исследований (не только зарабатывать деньги от денег, что подобно интеллектуальному запрету на инцест). Те, от кого требуют этического поведения, должны участвовать в разработке и применении соответствующих норм. Тому, кто настаивает на введении механизмов демократического контроля во все больше сфер общества, нельзя демонизировать политических консультантов, как грязный бизнес. Противостояние между наукой и промышленностью (дилемма для университетов при их финансировании), исходит из недостаточной информированности компаний о том, что они действительно могут получить финансовые выгоды от результатов работы искусства и гуманитариев. Доходы создаются не бухгалтерией, а компанией, являющейся домом для множества идей и знаний, ценностей и отношений. Многие из них находятся в гармонии с результатами искусств и гуманитаристики. Очередной сдвиг управленческой парадигмы уже будет влиять на стратегии целых университетов, работу факультетов, институтов и исследователей. Вузы видят себя в качестве центрального общественного игрока, зная, что актер «гуманитарные предметы» хорошо позиционирован. Философы и поэты всегда оказывали влияние на события масштаба революций и войн, а также на фазы стагнации, мира и стабильности, процветания и роста. Гуманитарные науки тоже делают историю. Они плодородны, приносят ощутимые результаты, могут построить новые формы сотрудничества с промышленностью. Нужно, чтобы ученые обосновали собственные претензии на независимость под изменившимися условиями. Знания необходимы для надежной интерпретации социальных основ жизни и принимаемых решений. Социальные науки могут признать смещение ценностей, установок и предпочтений, и эти изменения будут влиять на мир, в котором компании тоже игроки. Искусства и гуманитарии обнаруживают, насколько актуален сдвиг и кто становится его участниками на ранней стадии, в состоянии распознать параллели и выявить направления действий, разрабо-

тать сценарии выхода из кризиса и оценить контр-аргументы. Они предвидят события, а для компаний именно это знание дает реальное преимущество.

Концепт «транскультурности» (Erstein 2009) в применении к процессам коммуникации академических дисциплин, использовала Арианна Дагнино (университет Британской Колумбии), воззвав рассматривать их не как монолитные и самодостаточные, а как открытые для взаимных преобразований организмы. Если прервать их разговор, отрицая значимость отдельных дисциплин, в итоге все знания будут удушены. Концептуализация знаний через транскультурный объектив может способствовать преобразовательному процессу в образовательной модели. По мере развития человечества в усложненных технологических и социальных конфигурациях – изменение определения себя, своей роли на земле – становится очевидным, что дихотомии не являются ни обоснованными, ни желательными. Возможность создавать с помощью комплекса машин и виртуальных интерфейсов дополненную реальность, привела к тому, что люди начали жить во «второй реальности», построенной на цифровых новациях. Разве можно представить, что эвристические усилия, направленные на приобретение (новых) знаний и передачу их через образовательную модель, не должны охватывать «нас» людей? Любые знания извлечены либо из «человеческого контекста», либо посредством прямо или косвенно «человеческой» деятельности. Гуманитарная перспектива приобретает первостепенное значение: чем больше технологии позволяют отправиться в лабиринт неизвестного, тем больше нужно развивать гуманитарность, которая как нить Ариадны будет держать связь с точкой отправления (т.е. природой «человеческого существа»).

Транскультурная модель, считает А. Дагнино, заполняет разрывы абстрактного критического теоретизирования и практик квалифицированного использования рук/тела в производстве физических артефактов, движений, жестов, эмпатии и коллективного опыта (изобразительное и исполнительское искусство, ремесла). Она отклоняет дихотомии между телом и умом, социальным и научным поведением, культурной антропологией и биологией, неформальными и формальными знаниями – это инклюзивный подход. Призыв – выдвигать требования всеобъемлющего знания, которое подчеркивает силу совпадений, пересечений и взаимодействия между культурами и дисциплинами, а не создает лимитирующий эффект.

Екатерина Мойр (университет Кэмбриджа) посчитала, что нужно критиковать и оспаривать процессуально-инструментальный подход, т.к. процесс является результатом человеческих действий. Не смотря на важность «цифровой гуманитарности», следует признать, что это не решение проблемы гуманитарных наук, ведь технологическое развитие само является частью сложной исторической констелляции. Новая гуманитарика должна быть максимально открытой для искусства, науки и политической практики, не забывая свои практики толкования, комментарии, критику. Способ «оздоровления» включает:

1) признание, что положение гуманитарных наук в качестве опекунов канонической культуры исчезло;

2) признание, что гуманитарные науки всегда связаны с человеческим бытием и отношениями;

3) создание сообщества ученых-гуманитариев вне

существующих институтов и изобретая новые;

4) коллективное изменение публикационной культуры и противостояние коммодификации академического письма;

5) устранение засилья английского в качестве эксклюзивного языка публикаций, признавая центральное место «непереводимого» в культурной жизни. Новые гуманитарные науки возникнут только из-за существенных изменений в режиме гуманитарного производства, изменений того, как мы думаем, учим, пишем, публикуем и изучаем.

Эдуард Деменченок (Государственный университет Порт Вэллей, Джорджия) прибегнул к концепту «полилог» и диалогической философии М. Бахтина (см.: Бахтин 2008), отметив, что его новаторская работа оказала революционное влияние на развитие гуманитарных наук. Для реализации своего преобразующего потенциала в конфликтном мире, гуманитарные науки сами должны пройти преобразование и возрождение. Трансформация – процесс, в котором диалектика между традицией и инновацией включены в игру. Переосмысливая прошлые интеллектуальные достижения, можно заново открыть богатый эвристический и философский потенциал, творчески его применить. Понимание не может быть достигнуто только с собственной точки зрения, оно диалогично, и, в идеале, диалог должен уважать различия, а взаимодействие должно проводиться с соблюдением этических норм. Естественные науки составляют монологические формы знания, в котором субъект познания «безголосая вещь», но гуманитарное исследование «выразительное и говорящее существо» человеческой души, там субъект не может быть изучен в качестве вещи, как тема, отношения эпистемологических «субъекта» и «объекта» диалогичны. Методология Бахтина выходит за рамки текстов и постмодернистской деконструкции в сторону общения людей, как духовных существ, чтобы понять живой смысл переживания и выражения. Одно из ключевых понятий в теории диалогизма «outsideness», что означает способность видеть вещи с другой стороны и думать за пределами схемы. Бахтин сетовал на дегуманизацию культуры и политики, предвидел формирующую парадигму постмодернистского мышления и проиллюстрировал способы её преодоления, для восстановления эффективной коммуникации между людьми, а также между людьми и природой, что приводит к ре-гуманизации с помощью гуманитарных наук. Лучшее понимание и реализация диалога может усилить и спектр естественных наук, научные идеи могут процветать, создавая синергетические эффекты между людьми и культурами.

Мартин Свэйлс (Лондонский университетский колледж) подчеркнул, что традиционное различие между естественными и гуманитарными науками в том, что первые обнаруживают уже существующие свойства материального мира (ДНК существовала прежде, чем модель двойной спирали), а вторые – создают что-то совершенно новое. В изучении эстетических объектов – творчество и воображение тесно привязаны как к созданию произведения искусства, так и к отклику на него. Гуманитарные науки сейчас атакуются, угрозы существуют в различных формах. Например, говорят, что они не способствуют экономическому благосостоянию нации. Это оспаривается аргументом, что многие люди, прошедшие подготовку в области гуманитарных наук, впоследствии введены в творческие профессии –

СМИ, искусство, музеи, галереи, туризм – которые вносят огромный вклад в экономику. Или гуманитарные науки рассматривают как интеллектуально несерьезные, потому что они «тавтологичны», т.е. ходят по кругу, хотя их адвокаты описали бы тот круг как герменевтический, а не порочный. Скептики осуждают отсутствие «когнитивного разрыва» между исследователем и объектом, что присутствует между учеными неязыковых явлений и языковой среды их анализа, и это позволяет процессам эксперимента и разведки («пилотажа») достичь научно обоснованного потенциала. Обратив внимание на разрыв, ученые дорожат им, а, по контрасту, когда исследуемыми явлениями являются сами лингвистические, разница менее очевидна. В действительности, литературоведы держат разрыв в уме, а этос внимательного прочтения влечет за собой его сокращение, в момент генерации критики они пишут не только о словах своих текстов, но и об ответах на эти слова. Они верят в совместное обсуждение, а не окончательные, раз и навсегда, доказательства.

М.Свэйлс утверждает, что жизнь – это не только тема в литературе; она раскрывает себя в акте чтения, подкрепляя позицию М.Нуссбаума (Nussbaum 1996) о том, чтение художественной литературы расширяет спектр наших симпатий, тем самым способствуя созданию климата демократических общественных дебатов. Предлагает в качестве конкретной обороны гуманитарных наук литературную правдивость. Она может предоставить корректирующие версии истины, которые на подъеме:

а) фундаменталистскую истину всех видов Священных Писаний;

б) истину научной парадигмы (часто подкрепляемой агрессивной атеистической нерелексивностью);

в) истину постмодернистского демонтажа с его панрелятивизмом. Литературная критика, на его взгляд, предлагает комплекс чувствования, мышления, правдивости.

Отметим, что постулировался возврат от критическо-теоретизирования к практическому чтению текстов студентами и в манифесте М.Аскари (университет Болоньи). Необходимость программ эмпирической работы, приближающей к отвержению бессмысленного и включению действенного, начав с субъективных оценок отдельных критиков, но ими не заканчивая, заявили Джеймс Карни и Эмили Троцанко (Оксфордский университет). Анализируя взаимодействия человека как посредника между индивидуальной инициативой и коммунаритаристской традицией, коммуникативная природа гуманитарного знания выходит на первый план. Термин «гуманитарный» связан с гражданским воспитанием в Древней Греции, поэтому важная задача гуманитаристики – не забывать о своих воспитательных основах. В век цифровых технологий, гуманитарные науки показывают чему и как они могут научить людей, восстановить связь с жизненным опытом человеческого существования, создавать себя заново (И.Клюканов). Растворение границ между индивидуальным и коллективным в сетевых коммуникациях проблематизирует определение субъектов и уровней анализа, но общим знаменателем в центре исследований становится человек (Г.Асмолов).

Неоднократно в манифестах обозначена необходимость в переоценке постмодернизма, эссенциализма, мимизма и т.п. в пользу плюрализации методологии, методики гуманитарного обучения тоже должны быть обновлены, включая в себя **литературное, поэти-**

ческое и творческое как агент влияния и перемен. Этот спектр обозначился в широком спектре утверждений, значимом для видения перспектив новых гуманитарных наук.

«Любит ли онколог рак? Но, по-прежнему ожидается, что литературоведы должны любить литературу! Давайте быть «бесчеловечными», пытаясь лучше понять нашу «человечность» – заявили Д.Карни и Э.Троцанко, призывая прекратить притворяться, что интерпретации являются беспристрастными аргументами, когда на самом деле большинство из них глубоко личные. Они обозначили необходимость признания, что есть *многие оси* внутриличностных вариаций для интерпретационных позиций: раса, класс и гендер, возможно уже «на баррикадах и кричат в мегафон», но они лишь блеклый образец полного спектра активных воздействий. Сложно представить лучшую ситуацию для гуманитарных дисциплин, которым годами говорилось, что «игра окончена», даже не подозревая, что она ещё не начиналась. Именно сейчас и время начинать – заявлено в манифесте литературоведческих направлений.

Марко Паевич (университет Роял Хэлловей) обозначил основные способы западного мышления: знаковое и субъект-объектное. Они представляют дают возможность освоить мир до определенной степени, но находятся в конфронтации, приводя к разобщению общества. Чтобы их интегрировать, необходимо развивать поэтическое мышление на основе языкового и диалогического. Язык является ключом к смыслу, все, что мы можем знать о мире, проходит через язык. Чувственное восприятие ничего не значит, для интеграции нужно метафоризовать восприятия в звук и звуки в смысл. Факты не существуют в изоляции, люди не имеют прямого доступа к «реальности», поскольку реальность всегда определяется отношением к ней. Восприятие и ощущения должны быть переведены на реальность через язык, дискурс, который создаем во времени и в каждое мгновение должны «вписать» окружающий мир. Ментальное измерение конституируется в процессе – язык-это не продукт, это активность – и постоянно во взаимоотношениях с внешним миром. Чем более использование языка расширяет пределы разума и, таким образом, мира, тем более это поэтично (от *поэзис*, т.е. делать/создать). В. фон Гумбольдт создал концепцию, различающую язык как знак и язык как язык. Первый не рассматривается как творческий процесс (знак передает знания, язык выступает средством). Второй – это живой процесс, заново создающий значения (по логике Э.Бенвенисте не семиотика, где знаки *признаются*, а семантика где дискурс *понимается*). Поэтическое мышление считает, что важен континуум (основываясь на первоначальном значении ритма). Для гуманитаристики понимание того, как быть и «сделать» себя человеком, значит стать снова *поэзисом*. Пока она функционирует в знаковой и субъект-объектной логике, создаются слепые пятна в системе знаний. Искусства и литература выходят за рамки знака, но не поняты в рамках существующей концептуализации. Необходимо мыслить «за знаком», мыслить континуумом.

Джонатан Саттон (университет Лидса) обратился к «теологической поэтике», представляющей образный стиль прото-творческой рефлексии, открытый для писателей, поэтов, рассказчиков, богословов, лириков и доброжелательных мыслителей. Он расставляет приоритеты в озвучивании озадачивающих власти вопро-

сов. Происходит это в наложениях сфер литературного и теологического размышления, что означает, что их предметные области остаются динамичными, гибкими, реагирующими на новые потребности и энергетику. Они должны остерегаться «одомашнивания» любым «научным» подходом, чтобы избежать эрозии, потери или уничтожения способности (литературного) богословия оформлять неудобные вопросы и задавать их. Теологическая поэтика исследует метафоры и другие фигуры речи соответствующей литературы, рассматривая их в широких рамках применения и резонансов. Например, А.Кумарасвами рассматривал вопрос о том, когда «фигуры речи» остаются лишь ими, а когда, при каких конкретных условиях, по-настоящему становятся (восстанавливаются) «фигурами мысли». Теологическая поэтика должна использовать гибкость при изучении любого символизма в русле духовных поисков, творчески исследуя и оценивая условности использования языка.

Ребекка Скайнс, Эбен Муза и Джемми Шерри (университет Бангора) разработали «Манифест исследований креативными практиками», которые выработаны и обозначены в качестве практически-отнесенного или акционистского типа исследований (practice-related or action research) включающих четыре формы: практика-как-исследование (practice-as-research) подразумевает создание творческого артефакта с возможными комментариями и контекстуализацией (или без них); практика и исследование (practice and research) производит творческие и критические результаты отдельно, оцениваемые отдельно собственными методиками, например пост-текстовый анализ работ коллег, а не своей; практико-сопровождающее (practice-led research), как правило, не включает создание креативного артефакта, но сосредоточено на анализе самой креаторской практики; и основанное-на-практике исследование (practice-based research) отклоняются от предыдущих в сторону рассмотрения артефакта как вносящего вклад в знания, приобретаемые этим исследованием, считая его значимой порцией проекта или тезисов. Не все приближенные к акционистским исследования могут полностью соответствовать перечисленным типам, поскольку каждое является уникальным. Авторы манифестируют необходимость включения таких типов исследовательской деятельности как валидной и важной формы, развивать их в качестве инновационных и создать форум (площадку) для их поддержки, инициирования, разработки обучения и обмена опытом.

Мария Штейман (РГГУ), не смогла принять участие в мероприятии, но считает полезным отразить позицию из манифеста. Она утверждает, что творческая свобода является элементов формирования реальности с помощью знаков (словесные, визуальные и тактильные). Как единицы универсального кода, они воздействуют на общечеловеческие культурные матрицы посредством архетипа и мифологемы. Творчество не знает границ и самоограничения, потому каждый человек имеет право создавать, а будучи суб-творцом, имеет право создавать собственную реальность возможными средствами. С одной стороны, общество потребления – это не только социальные и культурные явления, но сильный социальный шаблон, который заменяет другие социальные институты, такие как религия или культура. Кроме того, оно формирует ложную личность, т.к. бренд является симулякром, по-

строенным на идентификации с помощью знаков, а не вещи. С другой стороны, характер потребительского общества базируется на присвоении и современный человек – это бросающийся в глаза сбор визуальных образов не-материальных ценностей.

Пришло время отказаться от двойственности, считает М.Штейман, обращаясь к «теории мозаичной культуры», доказавшей, что новые медиа изменили коммуникативную и культурную системы, теперь элементы «высокой» и «низкой» культуры объединены в одной книге, кино, музыке, игре... Концепция восстановления, защиты и утешения Р. Толкиена утверждает, что творчество («фантазия») – естественная человеческая деятельность, но он против «просто техники» творчества, которая может быть использована для манипулирования восприятием. Миссия творчества – освобождение. Чем больше людей умеющих творить, тем выше их свободы (особенно в проявлении способностей и талантов) и тем труднее ими манипулировать. Эта идея применима и к вопросу идеологии, которая вызывает особые дискурсивные структуры, влияющие на мышление посредством универсальных архетипов («друг»/«враг» и проие). Р.Барт (Барт 1996) создал ключ для деконструкции идеологического дискурса, и люди, знающие различные архетипы, неизбежно обнаружат и обезвредят их. Восприятие внешнего мира основывается на стереотипах, а творчество дает шанс избавиться от этих границ, потому что столкновение с ними означает их преобразование. Вовлечение людей в различные виды творческой деятельности, сочетание теории и практики, академических форм и прикладного искусства поможет распространению идей толерантности и разнообразия.

Гэнг Суи (Пекинский университет международных наук) предложил способ активизации творчества и фантазии: трансформации, междисциплинарную и межкультурную интеграцию, философско-поэтическую живопись. Он разработал обоснование и методы преобразования «гения в практическую силу» (по Р.Эмерсону) посредством интеграции использования ресурсов из разных культур и дисциплин, обучая британских студентов творчески создавать свои стихи, вдохновленные «философией создания картины кистью». Фундаментальное убеждение его состоит в том, что новый гуманитарный подход приобретает пять качеств: суверенитет, артистизм, совместимости, технологичность и практичность. В идеале, видение и действия способствуют стимулированию и совершенствованию друг друга. Обучение китайской живописи обеспечивает множество диалектических прозрений, пониманий межкультурных открытий (поддающиеся количественной оценке), и непередаваемые, как чувства новизны, истории, свободы, элегантности, конкретности, абстрактности, физической близости, духовной близости и/или трансцендентности. Образование, построенное только на цифрах, статистике и подсчетах недостаточно для подготовки человеческого существа.

Джеймс Уокер (университет Ноттингема, председатель совета писателей) представил инновационный проект цифровых искусств (digital arts project), цель которого – превратить студенческий опыт искусства и культуры в интернете в способ дисциплинарного включения. Он строится вокруг открытых веб-технологий, чтобы как можно больше людей могли подключиться, производить, распространять и испы-

тать их на разных устройствах и браузерах. За пятьдесят лет искусства изменились, изменились технологии и аудитории. Мгновенная связь означает, что «сырые» формы само/выражения используются на платформах (как YouTube) и пришли на смену стандартам «хорошо сделано» и форматам эфирного вещания в традиционном смысле. Знания должны быть расширены, чтобы охватить этот опыт. Студенты уже привыкли делиться мнениями нажатием кнопки. Более интерактивный и дружелюбный пользователь цифровой ландшафт позволил им стать кураторами, редакторами и издателями контента. Новые гуманитарные науки должны адаптироваться к этим ценностям и создать образовательное пространство, эмоционально реагирующее на потребности. Это не значит, что они должны прекратить узнавать через чтение. Важна структура, которая информирует о процедурах и предоставляет обучение, а её главное отличие в том, что есть путешествие, которое они принимают, чтобы попасть туда, а значит важно сосредоточить внимание на корнях их маршрутов.

Необходимость новой антропологии и значимость этики проявилась во многих выступлениях, но Габриэлла Бианко (ЮНЕСКО) выразила надежды на новый гуманизм, базирующийся на сочетании историзма, герменевтики и биологии, ориентированный на ценность живого и окружающей среды, что может «привести к возобновлению демократии прикладных политических систем, образованию, человеческим отношениям, уважению прав человека и коммуникации в современных условиях глобальной взаимозависимости». Она предложила рассматривать философию как «медицину духа» в био-антропологической потребности в смысле, поскольку «научный продукт сам по себе не представляет ценность, если он не используется в соответствии с правилами и законами морали, в символическом плане отвечая за улучшение человеческой природы».

Поэтическое мышление приводит к *потенциалистской* антропологии, поскольку если каждый момент речи создает соответствующую реальность, он выходит за рамки правил и автоматизмы и, следовательно, является предпосылкой для развития новизны, заявил М.Паевич. Диалогическое мировоззрение охватывает открытости для других и отношения сотрудничества, формируя *этику со-ответственности*, подчеркнул Э.Деменченок, отметив, что дилеммы гуманистики решаются плюралистическим диалогическим подходом, включающем творческое мышление, признание других людей как равных, моральную ответственность личности и общего сосуществования, открытость культурно-историческому творчеству людей. Эти методы изучаются в «*синергетической антропологии*», которая является новой парадигмой, предложенной С.Хорьем (Horiу 2012; Horiу 2013). Идеи «диалога культур» и философия «межкультурного взаимодействия», вводят новую перспективу в понимании того, что такое философия, её история, методы и формы артикуляции (Деменченок).

Последствия био/технологического влияния на человечество рассматривались в двух ипостасях: дигитализация и биотехнологии. Положительные перспективы «цифровой гуманистики» отражены выше, исходят из констатации «технологической опосредованности человеческой идентичности» (Г.Асмолов). Эколого-биополитическая и биотехнологическая тема вскользь затронута Р.Кризом в связи с тесным пере-

плетением технологий с человеческой жизнью, но он отметил, что достижения технологий привели к образованию отходов и загрязнению окружающей среды, и косвенно способствовали возникновению вредного «технологического-произведенного магического мышления», психического декаданса, именуемого «варварской рефлексией» у Дж.Вико (Р.Криз). Биополитическая проблематика артикулирована в манифесте Г.Тулчинского, С.Акопова и Т.Барандовой (НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге), рассмотренный далее.

«Гуманитаризированное» взаимодействие в поле социально-политического можно сгруппировать как осмысливаемое и представленное:

а) на международном уровне (транскulturность, транснационализм);

б) на уровне осуществления власти в национальных государствах;

в) на уровне распределения и реализации власти в обществе;

г) политической деятельности активиста-одиночки.

Джулиан Райт (университет Дарема) подвергла сомнению идею бесспорности оценки будущего через настоящее или прошлое, обратившись к вопросам о том, как опыт модернистского или революционного разрыва переживается индивидом или какое оказывает воздействие на социальную и индивидуальную идентичность «очистка смысловых слоев», вплетённые в прошлый опыт? Биографические, социологические, теологические, литературоведческие, музыковедческие исследования демонстрируют фундаментальную, жизненно важную гуманитарного знания о здоровье, ценностях, этических основах общества и бытия культуры. Смысл и основная черта высокоскоростной современности артикулированы через разрыв с прошлым, но современность *слишком* быстра для отдельных людей. Должно ли ослеплять себя видениями будущего или отказаться от искушения пророчествами ради сосредоточения на действиях в настоящем? Историк и политолог играют главную роль, рассматривая споры о политических движениях и идеологиях в потоках времени. Пример социологического поворота важен, т.к. через Дюркгейма и левоцентристских мыслителей, умеренных социалистов, он повлиял на пути политиков (особенно социально-прогрессивных либералов и левого толка). Узы, связывающие индивидов вместе были изучены, многие из страстных и передовых политических комментаторов, вдохновленные моралью французской революции, обнаружили, что временные рамки для политического действия следует рассматривать в гораздо приближенных зонах, узнаваемых периодах, ориентированных на «здесь-и-сейчас» социальные объединения, как профсоюзы или трудовые общины. Напряжение левого уклона сохраняется: идеализм будущего неуклюже объединён с пониманием необходимости социальных преобразований в рутинных, бытовых масштабах. «Мессианское время» берет в рассмотрение процесс искупления, в котором исцеление прошлого страдания – его понимание. Но, понимание «вынашивая в себе» противоречия человеческой жизни, становится само по себе политическим актом, связывая трагедии предшествующих поколений и создавая пространство их возможной рефигурации и потенциального погашения. Отложенное искупление неочевидной революцией было ошибкой модернистского прогрессивизма. Гуманитарные науки откроют их политическое звучание через исследования настоящего, раскрытие гра-

ней современности, которая может означать как прогресс, так и революционные потрясения.

Анидия Сехар Пуракаяста (СКБ университет Пурулии, Индия) манифестировал новый тип университета – университет-лагерь (по типу Оккупай), событийный (evental) или кайрос-университет, наделяющий гуманитарные науки учредительными потенциями. Во время пост-«захвати-Уолл-Стрит»/«Арабская весна», когда спонтанные революционные всплески повреждают сценарии «дорожных карт» будущего, манифесты стали лишними. Происходит «событийный манифест», где акт предшествует набору слов или становится «Дерридановским» спектральным манифестом, когда чтобы возвестить, нужно прийти. Агенты перемен вышли на улицы, и занимают площади города, не только угрожая свержением правителей, но и «наколдовывая» видение нового мира. Спинозовская метафизика радикальной имманентности наделяет гуманитарные науки потенцией и контр-силой сопротивления. Чем должно быть гуманитарное образование – обучением, магазином, центром превосходства или университетом без условий? Выбор между трансцендентной и имманентной силой, учредительной и учрежденной властью. В условиях гегемонии глобального капитала, невозможно преобразовательное гуманитарное образование, но оно может осуществляться с помощью внезапного нашествия «орд инаковости» в мирскую суету научных кругов. Нужен «кайрос» – момент, оживляющий время. Данное предложение обосновывается университетом *на площади Тахрир*, пространством для конститутивной силы, осуществляемой через посвящение к суверенитету коллектива, что Негри и Хардт определили как *Множество* или *Общце* (см: Хардт, Негри 2006; Негри 2008). У него есть власть, чтобы свергнуть гегемона, и стратегии «Оккупай» подержали идею конститутивной онтологии множеств, не поддающейся логике *Империи* и децентрирующей силе капитала. Можно думать об *университете*, основанном на принципе множества сопротивления, предвестнике воинствующей эпистемологии.

Коллективный субъект образования будет составлять *контр-власть* сопротивления и демократии, что ближе «перманентной революции» К.Маркса. В новом типе университета *позисом* зажгут изменения в первичной материи нашего времени. Университет без условий не существует, но в принципе *утопии*, он должен оставаться местом критического сопротивления. Ж.Деррида говорил о праве на деконструкции, как безусловном праве задавать критические вопросы, а это подразумевает право делать это перформативно, производя события, например, путем исполнения в единственной акции или написания в единственном числе. Новые гуманитарные науки должны взять на себя задачи демонтажных работ, начиная с демонтажа собственной истории и аксиом. Когда гуманитарии становятся заложниками отделов «чистой» или прикладной науки, в которой якобы сосредоточены доходные вложения капитала, деконструкция должна иметь привилегированное место в университете, как месте сепаратистского сопротивления или даже, по аналогии, как принцип гражданского неповиновения, инакомыслия во имя высшего закона и справедливости мысли.

Резюмируя, подчеркнем, что авторы рассмотренных манифестов представили позиции разных дисциплин гуманитарного спектра: экономические, социологиче-

ские, исторические, антропологические, коммуникативные и прочие, создавая полифонию, питающую почву для введения политической тематики.

Манифестация инноваций: «голос/а» российских политических наук...

«Новый сдвиг в парадигме гуманитарных наук: транснациональные идентичности, пост-телесные личности и визуальные перформативности» назван манифест, представленный от политического лагеря. Авторы (Г.Тульчинский, С.Акопов, Т.Барандова) заявили, что современные университеты имеют дело с «тривиальным» миром, в котором ценности организованы не вертикально, а горизонтально, превратившись в рубрикаторы рынка массового потребления (Гусев 2013; Тульчинский 2010). Моралисты называют это ценностным релятивизмом постмодерна, но надо понимать его корни и природу как фазу развития цивилизации, обладающую массой достоинств и привлекательных черт, но и негативных последствий. В сетевом обществе человек становится игрушкой активаторов, которые сами по себе являются самовозбуждающейся сетью. Можно говорить о растущей роли мифологии и архаизма (Тульчинский 2013). В информационном обществе массового потребления власть (authority) заменена публичностью (publicity), индивид выглядит как серия проектов, а (само)маркетинг и PR становятся требованиями для формирования жизненных компетенций. Функцию ориентации в мире выполняет бренд (в виде социальных/индивидуальных мифов, апеллируя к традиционной мифологии, символам и метафорам, как вера в расширенные реальности). Метафоризация жизни – это стремление к трансцендентному, но в «тривиальном» имманентном мире все метафоры приравнены к общему знаменателю «потребности рынка». В современном обществе открытие новых связей (в науке), протест и реформы (в политике), инновация (в технике), любое творчество, не столько открывают «новые миры» сколько расширяют мир «этот», накапливая в нем разнообразие качеств и связей, попутно создавая новый сектор рынка (например: Хиз, Поттер 2007). Если в традиционном обществе человеческое «бытие под взглядом» (по Сартру) было объектом трансцендентного (Божественного) взгляда, то теперь оно объект критического взгляда «других», окружающих людей, которых становится больше, а человеческая жизнь становится все более прозрачной для них... и для биополитических (регулирования /дисциплинирования /контроля /секьюритизации) практик государства. В современности люди лишены видения будущего, оно полно сиквелов, римейков, пародий, реконструкций, пэчворк или фантазий в средневековой стилистике о человеческом достоинстве ещё без банковских процентов. В настоящее время мир является не переходом от прошлого к будущему, но распространением повествования о прошлом, где имена и события меняют смысл и содержание. Самовоспроизводство, самоповторение и (визуальное) само/представление составляют смысл творчества и социальной коммуникации. «Новое» в искусстве не инновации, но «не/узнаваемое привычное», что трансформирует коммуникации, науки и искусства в «пустые разговоры». Необходим сдвиг гуманитарной парадигмы и в сфере политического на социально-культурные аспекты *постантропоморфной персоналогии* и постсекулярности (см: Тульчинский 2002).

Рассмотрим кратко некоторые концепции:

Пост-телесность и рост биовласти, биополитизация человеческой жизни: после 2012 года риторика власти в России радикально изменилась, обращаясь к нормативному дискурсу нравоучений, продвигая «традиционные ценности» в противовес «моральному упадку» Запада, изображенного в качестве «укрытия гомосексуализма и педофилии». Консервативные семейные ценности провозглашены «национальной идеей» и «духовными скрепами». В поисках объяснения повестки, аналитики приходят к понятию биополитизации через принятие ряда нормативно-правовых механизмов, направленных на дисциплинирование и сдерживание человеческих тел. Биополитика является мягкой (но распространенной) технологией управления, ориентированной на такие области, как миграция, здравоохранение, санитария, рождаемость, сексуальность и т.п. В рассуждениях о человеческой жизни она является частью политических расчетов и механизмом осуществления власти и обеспечения безопасности. Понятия биовласти и биополитики разработаны М.Фуко как технология власти, связанная с возникновением современного государства и капитализма (Фуко 2010). Но задачи генной инженерии, новых биотехнологий, дородовой медицины и других практик достигли пост-телесного уровня (например, «печать» человеческих органов на 3D принтере, или создание искусственной матки), когда каждый компонент любого тела может быть не только проконтролирован, но изменен и изменен. Вся концепция прав человека (и женщин), основанная на фундаментальном праве на жизнь, начинающейся в момент рождения, находится под атакой. Переосмысление ситуации происходит в рамках биоконституционализма (Reframing... 2011). Концепция личности тоже под влиянием техники (Рабардель 1998; Masters 2001; Caldwell 1964), поскольку изменяемые цвета кожи, пол и внутренние органы, трансформируют восприятие тела от «тюрьмы для духа» до «не/модного платья», которое можно не только тренировать, кормить, украшать, но физически заменить. Современная наука уже рассматривает саму жизнь, как коммуникацию клеток организма (особенно в вариантах «омолаживающей» медицины стволовых клеток). Эксперимент по клонированию живых существ поставил чрезвычайно значимый вопрос о переходе «киборгов» из научной фантастики в близкую реальность. Он, на наш взгляд, приобретает иные оттенки, если задуматься, кто будут те силы, определяющие количество достаточного «человеческого» населения и способы его сокращения «за ненужностью» в новой экономической и политической модели мира...

(Транс)национализация идентичностей: новая гуманитарная парадигма политического должна быть направлена на преодоление подхода, ориентированного на национальное государство, путем включения национальных культур в двух/трех/многосторонние сети. Интеллектуальные препятствия на пути к этому идеалу:

1) интеллигенция в качестве «естественных» производит негативные факты, оправдывающие существование «врагов»;

2) ложное убеждение, что настоящий транснациональный опыт и связи могут быть заменены абстрактными идеями (толерантности, демократии и защиты прав человека), способными покончить с «образом врага» на основе политической мобилизации;

3) неопределенность понятия идентичности, в частности, «национальная идентичность».

Полезные идеи «транскультурности» и «критической универсальности», в сочетании с идеей «космополитического патриотизма» (Nussbaum 1996) в политической философии, фокусируются на обсуждении средств, могущих помочь заменить политические нарративы «врагов» на нарративы примирения. С.Акопов заключает, что плюрализм дискурсов агонизма и консенсуса должны быть синтезированы с помощью концепции «сообщества безопасности», обобщенного доверия, социального капитала транснациональных интеллектуалов, культурного диалога, «экзистенциальной коммуникации» и «космополитического образования». Необходимо разработать концептуальный продукт, способствующий народной солидарности против агрессивного национализма. Увеличение количества людей, обладающих транснациональной идентичностью, может помочь. (Акопов 2012). Он отмечает (Акопов 2010), что определения *креолизации* и *транснационализма* даны Т.Эриксоном (Eriksen 2007), а транснациональные идентичности могут рассматриваться в качестве знаков пост-национальности и «новой персоналогии», «проект-идентификация бренда» (Тульчинский 2002; Проектный... 2003), где «первую скрипку» будет играть индивидуальная и коллективная человеческая фантазия (воображение). Университеты должны концентрироваться, стать «теплицами» транснациональных интеллектуальных сетей, предоставляя площадки для строительства культуры мира, свободной от национализма обусловленного образами «врага».

Вкратце следует комплексно упомянуть огромную зону для переосмысления методологии и концептуализации в политических науках, включающую визуализацию политической коммуникации (включая до-, вне- и невербальную) и акционистско-активистской перформативности (Alexander, Giesen, Mast 2006), как практик формирования новых политических идентичностей и форм протеста/сопротивления. Позиционирование человека как бренд-проекта, инструменты регионального и программного брендинга (вкл. государственные политики, социальное партнерство и консолидацию общества). Интернет и социальные сети стали основным инструментом для самореализации, в связи с этим особое значение имеет проблема перехода политической активности в онлайн и соотношение её с политическим процессом оффлайн (Gibson, Zillmann 2000). Всё это обеспечивает новую роль образования и искусства в политической социализации: в «тривиальном» мире роль искусства в корне изменилась, т.к. ранее культура участвовала в социализации путем передачи типичных норм, а сейчас через провокацию тестирует социальные нормы в целях уточнения их границ (Тульчинский 2013: 56-67).

Манифест-Постфактум: смысловая игра в символическом спектакле политического

Сцена, экран, выставочный зал, подиум, монитор становятся платформами для политического действия, социальных провокаций и событий, ранее не приемлемых на этих площадках и пространствах (Барандова, Барандов 2014). В то же время, общественные пространства (такие как транспорт или церкви) используются как сцена (специально для политических протестных выступлений). Меняется символизм потребления и активизма (McCracken 1988). «Арт» вышел на улицу с функцией политической социализации и обладая «полномочиями» провоцирования, чтобы заставить людей пересмотреть пределы маркировки (в т.ч. биополитического) и лимиты значений, навязанных

политикой, которая сама превратилась в симулякр (например, «системная оппозиция», объединившая партии, функционально утратившие политические потенции и/или не желающие их реализовывать в сложившейся политической системе, а служащие для её маскировки и защиты от самой политики). В этой ситуации наблюдается выход на передовую публичной политики художников, которые становятся, пожалуй, единственной «гласной» политической силой (Эпштейн 2014). Если ранее художники-перформансисты осуществляли эстетизированные постановки от лица косвенных субъектов, иногда «от имени лишенных голоса» для дискутирования их обществ, теперь их высказывания экзистенциальны «во весь голос» и похожи на «бросание на амбразуру» самих себя «за общество». Выступая, они становятся индивидуальными актёрами и агентами влияния на политическом поле, создавая высказывания огромной символической силы, способные «потрясти мир», как это произошло в России с известной женской панк-группой. Они привлекают в свой арсенал сложные концептуальные идеи гуманистических, донося их значения до широких кругов, пере/истолковывая, обнажая и «расчесывая язвы» на социальном теле – сигнализируя наличие болезни, как, например, П.Павленский, работающий с концептом биовласти. Отсутствие адекватного гуманитарного образования не позволяет «прочитывать» эти послания большинству российского населения, но это не означает, что политические эксперты должны оставаться в неведомом неведении (считая трансформативные протестные перформансы «просто танцами») даже на практическом прикладном уровне политического анализа. Инструменты анализа содержания, форм и последствий выражения протеста «уникально-атомизированных» политических актёров, «штучно» производящих политическую посылку, не могут быть позитивистскими.

В спектре вербальной коммуникации происходят подвижки, связанные с тем, что «пост/деконструктивированный мир» не представляет целостность, следовательно, не может мыслиться единым текстом или нарративом, а предстает в виде множественного мозаичного цитирования (образно-визуально аналогичен пчворку). Зависимость от контекста коммуникации и «включенности в дискурс» позволяют намеками на значимые тексты/книги и отсылками к научным «концептам» осуществлять само/ре/презентацию и само/позиционирование по отношению к любым социальным и культурным институтам и группам. Языковая игра переходит лингвистические границы и воплощается в видение общества, как пространства, устроенного по типу игровой площадки/сцены/витрины, а человека как персону/актера/товар, представляющую собой субститут/антураж/оболочку, которая способствует востребованности в зависимости от успешности её образа/роли/бренда. Человек выступает как (художественный) проект, а уровень креативности мышления при создании отводится одно из главных мест. Другим значимым компонентом является представление данного проекта на публике, в любом пространстве, в т.ч. виртуальном, где есть коммуникация с другими, где она множится или происходит перманентно.

Такой персонологический перформанс в контексте визуально-символической репрезентации становится базой для пересечения телесности, идентичности,

гендеров, смыслопорождающего и смыслокомбинирующего, визуально-семантико-семиотического «означивания» в политических коммуникациях (Arpan, Baker, Lee, Jung, Lorusso and Smith 2006), в т.ч. посредством мифотворчества и/или (само)брендинга, вплоть до выхода в поле био/политического через «новый протест» и био/активизм, базирующийся на (телесной) игре смыслами и значениями в арт-практике. Чтобы успешно осуществить «перформативный мультинарратив», необходимо и для создателя, и потребителя, использовать багаж (отрефлектированных) гуманитарных знаний, идей прошлого и настоящего для «обыгрывания» их невербальными знаковыми системами через телесность, и креативными практиками самовыражения. Им свойственны: мозаичность выбора исторических и культурных «цитат», полилогичность и вариативность интерпретации считываемого цитирования, пере/вос/создание структур кодирования и эксплуатация специфических интеллектуальных компетентностей (символическое воображение, визуальная чувствительность, мультимедиа грамотность, образное мышление, эстетическая и междисциплинарная эрудиция и т.п.). На развитие этих компетентностей надо ориентировать политологическое образование, вплоть до того, чтоб допускать практики поэтического письма и художественного изображения при подготовке результирующих аналитико-исследовательских продуктов. Студенты должны учиться не только аналитически и критически мыслить (словами), производя лингвистическими текстами транс/концептуальные смысловые сдвиги, но и визуализировать, понимать невербальные тексты и их практические приемы, чтобы «видеть» их для последующего перформативного исполнения или комплексного восприятия/прочитывания/интерпретации.

Список литературы:

1. Акопов С.В. Развитие идеи транснационализма в российской политической философии XX века: монография. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2012. 262 с.
2. Барандова Т., Барандов Л. Игры (в)о власти: размышления о системе координат современного активизма // Публичная политика – 2013 / Под общ. ред.: М. Б. Горный, А. Ю. Сунгуров. СПб.: НОРМА, 2014. С. 120-133.
3. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вст. статья и комм. С. Зенкина. М. Изд. им.Сабашниковых. 1996. 314 с.
4. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах. – М.: Издательство: Языки славянских культур, 2008.
5. Вахштайн В. Производство ценностных суждений. Русский журнал: http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/59/5.pdf (код доступа: 16.02.2015)
6. Вахштайн В., Корбут А., Соколов М. Манифест Движения Диках Молодых Доценто. Полит.ру от 27.02.2011. <http://polit.ru/article/2011/02/27/manifest/> (код доступа: 16.02.2015)
7. Вкус к жанру манифеста. Русский журнал: <http://www.russ.ru/pole/Vkus-k-zhanru-manifesta> (код доступа: 16.02.2015)
8. Гусев С.С. Пространственная ориентированность культурных процессов. // Философские науки. 2013, № 4.
9. Куликова М., Плевако С. Жанр манифеста в современной гуманитаристике: <http://www.rospisatel.ru/konferenzija/kulikova-plevako.htm> (код доступа: 16.02.2015)
10. Манифесты конференции: <https://www.dur.ac.uk/chi/conference/manifestos/> (код доступа: 16.02.2015)
11. Негри А. Труд множества и ткань биополитики. // ПОЛИТ.ру. от 03 декабря 2008.

- <http://www.polit.ru/article/2008/12/03/negri/> (код доступа 18.02.2015)
12. Предисловие к «Манифестам» «Веера будущностей» М. Н. Эпштейна и А. Ромаданова. URL : http://www.veer.info/05/v5_manifesty_predisl.html (код доступа: 16.02.2015)
13. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. М. Н. Эпштейна, Г. Л. Тульчинского. СПб., 2003;
14. Рабардель П. Люди и технологии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
15. Симян Т.С. К проблеме манифеста как жанра: генезис, понимание, функция // Критика и семиотика. 2013/2(19). С. 130-148. <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs019simyan.pdf> (код доступа: 15.02.2015)
16. Тульчинский Г. Политические трансформации в России и современная политическая наука. Журнал "Неприкосновенный запас". № 98 (6/2014) : <http://www.nlobooks.ru/node/5649> (код доступа: 21.02.2015)
17. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб: Алетейя, 2002.
18. Тульчинский Г.Л. Сдвиг гуманитарной парадигмы, трансцендентальный субъект и постчеловеческая персонология. // Методология и история психологии. 2010, Том 5, Вып.1, с.32-51
19. Тульчинский Г.Л. Современность: имманентность и поиски трансценденции // Философские науки. 2013, № 5, с. 56-67.
20. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с франц. А.В.Дьяков. СПб.: Наука, 2010.
21. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В.Л.Иноземцева. – М.: Культурная революция, 2006, 559 с.
22. Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу / пер. с англ. М.: Изд. «Добрая книга», 2007. 456 с.
23. Эко У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Inn_Povt.php (код доступа 12.02.2015)
24. Эпштейн М. De'but de siecle, или От пост- к прото-Манифест нового ве-ка // Знамя. 2001. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/epsh.html> (код доступа 12.02.2015)
25. Эпштейн М. О жанре. Манифест-гипотеза. Трактат-бонсай // Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/mt_bonsai.html (код доступа 12.02.2015)
26. Эпштейн М. От совка к бобку. Новая газета. № 137 от 5 декабря 2014 года. <http://www.novayagazeta.ru/comments/66388.html> (код доступа: 19.02.2015)
27. Akopov S. Communication without "the enemy": transnational intellectuals and narratives of reconciliation / Russian Journal of Communication, Vol. 3, Nos. 1/2 (Winter/Spring 2010).
28. Alexander J., Giesen B., Mast J. (2006) Social Performance. Cambridge: Cambridge University Press.
29. Arpan, L. M., Baker, K., Lee, Y., Jung, T., Lorusso, L. and Smith, J. (2006) 'News Coverage of Social Protests And the Effects of Photographs and Prior Attitudes', Mass Communication and Society, 9(1): 1–20.
30. Asmolv A. and G. Asmolv (2009) "From We-Media to I-Media: Identity Transformations in the Virtual World" in Y. Zinchenko & V. Petrenko (Eds.), Psychology in Russia. State of the Art, Scientific Yearbook, Volume 2.
31. Benkler, Y. (2011) The Penguin and the Leviathan: How cooperation triumphs over self-interest. New York: Crown Business.
32. Caldwell L.K. (1964) Biopolitics: science, ethics and public policy // Yale Rev. V.54. N. 1.P.1—16.
33. Epstein, M. (2009) "Transculture: A Broad Way between Globalism and Multiculturalism." In Between Global Violence and the Ethics of Peace: Philosophical Perspective, edited by Edward Demenchonok, 327–352. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
34. Epstein, M. (2012) The Transformative Humanities: A Manifesto. New York and London: Bloomsbury.
35. Eriksen, T.H. (2007). Creolization in anthropological theory and in mauritius. Creolization: History, ethnography, theory, 154-177.
36. Gibson, R. and Zillmann, D. (2000) 'Reading Between the Photographs: The Influence of Incidental Pictorial Information on Issue Perception', Journalism and Mass Communication Quarterly, 77(2): 355–66.
37. Horujy, S. (2012) "Contribution of the Eastern-Orthodox Tradition to the Formation of the Dialogical Civilization." http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2013/03/hor_dialog_cicvlization.pdf. (код доступа: 16.02.2015)
38. Horujy, S. (2013) "The Project of Synergic Anthropology: Spiritual Practice as the Basis for a New Conception of Man." Paper presented in Krakow. http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2013/05/horuzhy_talk_krakov_1_2013.pdf. (код доступа: 16.02.2015)
39. Masters R.D. (2001) Biology and politics: linking nature and nurture // Ann. Rev. Polit. Sci. 2001. V.4. P.345–369.
40. McCracken G. (1988) Culture and Consumption: New Approaches to the Symbolic Character of Consumer Goods and Activities. Bloomington: Indiana University Press.
41. Nussbaum, M. (1996). For love of country: Debating the limits of patriotism. Boston: Beacon Press.
42. Refraining Rights. Bioconstitutionalism in the Genetic Age / ed. by S.Jasanoff. The MIT Press. Cambridge, Massachusetts. 2011. P.305.